

УДК 8(1751)

**ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В ИЗОБРАЖЕНИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В
«ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»**

Қадим Қымбат Шынболатқызы

kymbatkadim@mail.ru

Магистрант филологического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,

Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель - М. Канафина

60-е годы XIX века в Европе отмечены повышенным интересом к социальным реформам, основанным на научных принципах. Мыслители-утописты считали, что жизнь может быть усовершенствована только посредством применения разума и просвещенного эгоизма. Любые серьезные проблемы, оставшиеся в мире, существовали только потому, что еще не был открыт научный метод избавления от них. Одним из виднейших русских носителей этих идей был Н. Г. Чернышевский, разработавший теорию «разумного эгоизма» и написавший революционный роман «Что делать?» в 1863 году. Достоевский, который был против теории Чернышевского, часто атакует и пародирует идеологию теоретика в «Записках из подполья». Среди идей Чернышевского особенно оскорбительной для Достоевского была его теория «разумного эгоизма». «Человек из подполья» высмеивает утопическое увлечение идеей хрустального дворца, нерушимого здания, олицетворяющего рациональность. Затем он упоминает, что если бы дворец был курятником, он использовал бы его в качестве убежища, но никогда не называл бы его дворцом [1, с. 468]. Если на его желания никто не обратит внимания, у него всегда есть «подполье», в которое герой может сознательно себя заточить, и это будет его свободным выбором.

Рассуждения человека из подполья о созидательных и разрушительных инстинктах человечества тесно связаны с природой общества, в котором он живет. В то время, когда подпольщик был чиновником в Санкт-Петербурге, он столкнулся с обременительной, бессмысленной бюрократией в своей повседневной жизни. Кроме того, в различных частях романа он комментирует искусственность города. В связи с этим «Записки из подполья» является предшественником множества литературных произведений о состоянии человека в современную эпоху, многие из которых выражают аналогичные опасения по поводу отчуждающего воздействия современного бюрократического существования на простого человека. В то время как доиндустриальный человек вел постоянную физическую борьбу за выживание, производя инструменты, которые были непосредственно связаны с его выживанием, постиндустриальный человек выполняет работу, не имеющую прямой связи с его повседневными физическими потребностями. Он не видит результатов своего труда и чувствует себя отчужденным от своей работы. В результате скуки современной жизни превращает страдание в своего рода развлечение или освобождение. Достоевский вполне осознавал это чувство отчуждения в постиндустриальном человеке, и он поддерживал несколько консервативное движение, которое подчеркивало важность сообщества, религии и личной ответственности в борьбе с этим отчуждением. Название этого консервативного движения переводится как «Назад к земле», подразумевая неприятие постиндустриального общества, к которому принадлежит человек из подполья [2, с. 105].

Человек из подполья сопротивляется идее рационального эгоизма, считая человека существом иррациональным по своей сути. Человек всегда будет пытаться отстаивать свою свободную волю, даже если утверждение этой свободы идет вразрез с разумом и личным интересом. Человек из подполья так считает, потому что не может придумать другого объяснения тому, как другие обращались с ним в его жизни. Если бы человеческая природа была доброй по своей природе, никто никогда не мог бы поступать так, как по отношению к нему поступает большинство людей.

Первые слова, которые мы слышим от подземного человека, говорят нам, что он «больной человек... злой человек... непривлекательный мужчина» [1, с. 312], чье отвращение к себе и злоба искалечили и развратили его. Он готов совершать бесполезные вещи просто для того, чтобы доказать, что его воля непредсказуема и, следовательно, полностью свободна. Это утверждение частично объясняет настойчивость подпольного человека в том, что он получает удовольствие от собственной зубной боли или боли в печени: такое удовольствие от боли — это способ плюнуть на удобную предсказуемость жизни в современном обществе, которое безоговорочно признает ценность похода к врачу. Однако человек из подполья не гордится своим поведением. Он испытывает огромное презрение к себе как к человеку. Он сознает, что его так одолевает тревога, что он не может даже стать достаточно злым, чтобы быть негодяем, или достаточно ничтожным, чтобы быть насекомым.

Противоречия и нерешительность являются фундаментальными чертами его характера. Эта неспособность действовать связана с несколькими важными факторами. Во-первых, человек из подполья — нигилист, а это значит, что он считает, что традиционные социальные ценности не имеют под собой никакой основы в природе, а человеческое существование, по сути, бесполезно. Человек из подполья презирает общество, в котором живет. В Петербурге не только плохая погода, но и культура города построена на бюрократии и лицемерии, получение взяток является обычным явлением. Подпольный человек полон горечи по отношению ко всем аспектам общества, но он осознает, что бессилён действовать против него или внутри него. Поэтому он вымещает свою агрессию на себе, отказываясь обращаться к врачу и назло оставаясь в заточении. Такое поведение — первое свидетельство мазохизма подпольного человека, его наслаждения собственной болью и унижением.

Его «подполье» не только физическое, но и моральное: он всегда одинок, угрюм, мечтателен. Свое психологическое «заточение» он усугубляет еще и тем, что постоянно роется в своих мыслях, анализирует поступки. Ему крайне интересно: можно ли быть полностью откровенным, честным хотя бы наедине с самим собой? Человек из подполья удивляется, кто первым выдвинул эту теорию: что злые поступки человека совершаются из-за незнания своих собственных интересов и что, если бы он был образован, он сразу стал бы добрым и благородным, потому что тогда он поймет свои преимущества. Если бы это было так, то подпольный человек спрашивает, что делать с миллионами разумными людьми, которые сознательно действовали против своих собственных интересов, сознательно избрали путь, противоречащий их лучшим интересам? Некоторые люди, по его словам, действительно совершают действия с полным осознанием того, что это действие вредно для них, потому что богатство, свобода и мир не обязательно являются для них «преимуществами». Значит должно быть что-то более важное «почти для каждого человека, чем просто богатство и комфорт». Что бы это ни было, оно предназначено для разрушения всех положений «разумного общества». Интеллект не может улучшить человека, говорит нам рассказчик, и чтобы доказать свою точку зрения, он сравнивает варварские времена с нынешним веком. Очевидно, человек еще не научился «поступать так, как диктуют разум и наука». Что действительно нужно человеку, так это свобода.

В подполье он ищет истину, ставя «подлинную свободу» выше добра или счастья, поскольку он вновь открывает вопрос о том, что значит быть человеком. Парадокс используется как противоречие в воспламененной страстью «исповеди» андеграундного человека с обобщениями, которые кажутся как допустимыми, так и преувеличенными[3, с. 396].

Он жаждет изоляции, но в то же время жаждет человеческого контакта. Он отвергает «законы природы», но объясняет, что его инерция имеет неизбежный результат. Он ищет сочувствия читателя, но делает все возможное, чтобы предотвратить его. Он страдает, но чувствует удовольствие в этом. Он говорит о желании жить «для того, чтобы удовлетворить всю свою волю, способность к свободной жизни, а не только способность рассуждать». И он размышляет, что стремление может быть для человека важнее достижения, процесс важнее достижения цели.

Человек из подполья считает себя «чрезмерно сознательным», «развитым человеком», обладающим острым сознанием, которое мешает ему просто жить обыденной жизнью. Недалекие, активные люди, напротив, обладают низким уровнем сознания реальности, что позволяет им вести свою повседневную жизнь. Человек из подполья объясняет, что он не хочет высмеивать этих активных фигур, предполагая, что они не так сознательны, как он, но тут же признается, что гордится своей «болезнью» сознания. Он описывает, как его сознание, дающее ему ощущение «всего прекрасного и высокого», как-то неминуемо втягивает его в тление и «упадок», упадок, в котором он мало-помалу научился получать болезненное удовольствие.

Конечным результатом этого сознания всегда является инерция. Человек из подполья считает, что деградация присуща его природе и поэтому ее невозможно изменить. Другой вид задушенного удовлетворения исходит от того, что человек из подполья, хотя и презирает себя, но считает себя умнее всех окружающих и поэтому чувствует ответственность за все, что с ним происходит. Это чувство ответственности, конечно, также усугубляет его страдания и делает его гордость собственным интеллектом источником стыда.

Человек из подполья по сути делит мир на две группы. В первую группу входят люди «активные», но «неискренние». Эти люди не обязательно глупы, но они в лучшем случае наполовину так же «сознательны», как человек из подполья. Поскольку они не анализируют каждое принятое решение, они могут принимать эти решения безболезненно. Они анализируют препятствия не больше, чем свои собственные мотивы, поэтому, когда они сталкиваются с

трудностями, они останавливают свой путь без беспокойства. Вторая группа, которую видит человек из подполья, состоит из таких же образованных, сознательных людей, как он. Эти люди проводят все свое время, размышляя о собственной деградации и бессмысленности существования человечества.

Это различие между двумя группами предвосхищает экзистенциалистскую философию таких писателей, как Жан-Поль Сартр, который считал «Записки из подполья» первым экзистенциалистским романом[4]. Сартр считал, что каждый человек абсолютно свободен и несет полную ответственность за каждый свой выбор. У Сартра персонажи, осознающие ответственность, сопровождающую каждый их выбор, часто не в состоянии заставить себя что-либо сделать. Так действуют только те, кто не осознает своей свободы и ответственности подобно неискренним, глупым людям, о которых говорит герой Достоевского. Тем не менее, Сартр считает, что сознательный человек должен действовать, как бы мало ему ни нравилась эта идея.

Может показаться странным, что подпольный человек согласовывает законы науки и математики с менее умными людьми, поскольку мы обычно думаем, что эти дисциплины требуют образования и интеллекта. Однако для подпольного человека сознательный человек — это тот, кто ставит под сомнение и анализирует все, даже неоспоримые законы природы. Тот, кто слепо верит во все, даже в логику и разум, подходит под определение бессознательного человека, данное Человеком из подполья. Это определение позволяет Человеку из подполья включить в свою критику некоторых из наиболее выдающихся интеллектуалов той эпохи и прокладывает путь для предстоящей критики «рациональных» теоретиков.

Человек из подполья продолжает утверждать, что правила логики никогда не могут предсказать человеческое поведение. Он упоминает теорию английского историка Генри Томаса Бакла о том, что цивилизация постепенно смягчает людей, делая их неспособными вести войну. Эта теория, хотя и является логически обоснованной, опровергается тем фактом, что в якобы цивилизованном девятнадцатом веке было пролито больше крови, чем в более варварские времена.

Человек из подполья предсказывает, что человеку станет скучно в обществе, основанном на научно выведенных формулах нравственного поведения. В конце концов, «неблагодарные» люди приветствовали бы возможность опровергнуть логику и жить согласно своей собственной иррациональной свободной воле. Человек из подполья думает, что человек при любых обстоятельствах предпочитает думать, что действует так, как хочет, а не так, как подсказывает разум. Самое главное для человека, чтобы его свобода выбора не была стеснена ничем, даже разумом. Человек из подполья отвечает на утверждение воображаемой аудитории, что свободная воля — это то, что можно объяснить с научной точки зрения, как и любое другое человеческое побуждение. Наука, независимо от того, что она может открыть о человеческой воле, не может изменить того факта, что человек отказывается признать, что его свободная воля подчинена правилам. Единственная константа в поведении человека состоит в том, что он неблагодарен и отказывается быть благоразумным. Человек может даже намеренно сойти с ума, просто чтобы доказать, что его свободная воля неподвластна разуму и что он может вести себя неразумно, если захочет.

Герой Достоевского демонстрирует смесь презрения и стремления к идеалу настоящей любви. Он демонстрирует такое же противоречивое отношение к возвышенной литературе эпох Просвещения и романтизма, когда все, от философа Иммануила Канта до писателя Виктора Гюго, восхваляли «прекрасное и возвышенное». Человек из подполья явно знаком с крупными писателями этих периодов, поскольку на протяжении всего романа он ссылается на произведения французских романистов Виктора Гюго и Жорж Санд, английского поэта Байрона и русских романтиков Александра Пушкина и Михаила Лермонтова. Попытки Человека из

подполья «пожить немного» — это в некотором смысле попытки испытать сильные эмоции, которые ценили писатели-романтики. Хотя Человек из Подполья гордится своей способностью распознавать «прекрасное и возвышенное», его отвращение к себе и к обществу сокрушило любую его веру в романтические идеалы. В результате он чувствует отвращение к себе всякий раз, когда испытывает сильные эмоции, и насмехается над идеей «прекрасного и высокого», когда воображает себя алкоголиком-эстетом-бездельником.

Многие читатели недоумевали, почему у героя нет ни имени, ни фамилии, притом что ими наделены другие персонажи, даже слуга Аполлон. Конечно, к XXI веку образ «подпольного человека» сам стал типом мировой литературы наподобие мольеровского Скупого, Дон Кихота или Гамлета, но сомнения современников Достоевского легко понять. На самом деле это решение Достоевского оказалось на удивление удачным. Отняв у героя имя, он предложил читателю воспринимать героя вне времени и пространства, вне конкретного тела и облика. Всё, что нам дано, — сложный, иррациональный и антиномичный мир его сознания, в которое мы погружаемся, как в бездну, теряя связь с конкретной эпохой начала 1860-х годов.

Именованное героя «подпольным», конечно же, не имеет отношения к революционному подполью, поскольку само это выражение появится в русском языке позже. «Подполье» в повести Достоевского — многозначный образ, в первую очередь связанный с одним из самых ценимых писателем произведений Пушкина — «Скупым рыцарем». В этой «маленькой трагедии» Альбер восклицает: «...пускай отца заставят / Меня держать как сына, не как мышшь, / Рождённую в подполье»[5, с. 261]. Не случайно сам герой «Записок» называет себя «усиленно сознающей мышью». Таким образом, подполье и «подпольность» у Достоевского — это прежде всего пространственный образ изоляции, отрезанности героя от мира людей, от «почвы», а уж во вторую очередь — метафора подсознания человека, символ того самого хотенья, на приоритете которого так настаивает герой.

В основе поступков парадоксалиста лежит жажда свободы, необходимость быть личностью. Подпольный человек, в соответствии с собственной философией, как отмечает исследователь Н.В. Живолупова, «не поддается оформлению, то есть сохраняет в себе стихию первобытной меонической свободы» [6, с. 126]. Его свобода зачастую являет собой распад и «разложение» личности. Все в его сознании подвергается разложению. Нет конечного и начального. Нет, и не может быть первопричин, а отсюда нет и нравственного чувства справедливости, даже настоящей злобы («Злоба у меня вследствие этих проклятых законов сознания химическому разложению подвергается» [1, с. 464]). Такого особого рода нигилистическое состояние человека с экзистенциальным сознанием, такова «подпольная» свобода.

Список использованных источников

1. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 т. — Л., 1989. — Т. 4.
2. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. — М., 1996
3. Франк С.Л. Достоевский и кризис гуманизма // Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. — М., 1990.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм это гуманизм // Сумерки богов. — М., 1989.
5. А.С. Пушкин. Сочинения. Том 2 (под ред. Д. Д. Благого). Гос. изд-во худож. лит-ры, 1958. - с. 492
6. Живолупова Н.В. Трансформация мотива «подражания Христу» в произведениях Ф.М. Достоевского 60-х гг. // Достоевский и современность. — Новгород, 1994.